

В. И. Шишкин

Кольцовская трагедия: из истории репрессий и реабилитации этстонского населения Сибири (1937–1959 гг.)

Пожалуй, одной из самых трагических страниц отечественной истории является время «Большого террора», когда созданная большевиками репрессивная машина действовала против собственного народа особенно безжалостно. Советские карательные органы арестовали, лишили свободы и казнили сотни тысяч граждан СССР. Только в 1937–1938 гг., на который пришелся пик репрессий, они арестовали 3 141 тыс. человек, 1 345 тыс. из которых осудили по политическим мотивам, причем 50,7 % из этого числа приговорили к высшей мере наказания – расстрелу¹.

Каток репрессий прошелся по всей территории огромного Советского Союза без исключения. Он растоптал судьбы людей разного возраста и национальности, вероисповедания и образования, происхождения и положения. Пощады не знали ни стар, ни млад, ни горожане, ни селяне, ни высший слой партийно-советской номенклатуры, ни находившиеся на самом низу социальной лестницы разного рода маргинальные элементы.

В этом скорбном ряду Сибирь не стала исключением. Более того, в советский период времени она была превращена в огромный концентрационный лагерь, получивший название «Сиблаг», куда выслали и сослали сотни тысяч людей из других регионов СССР. Но последнее обстоятельство отнюдь не гарантировало тех, кто уже жил в Сибири, от преследования и репрессий. Складывается впечатление, что все было даже как бы наоборот. Ведь жизнь в Сибири почти всегда – так сложилось и повелось исстари – ценилась меньше. К тому же сибиряки, как правило, были людьми более самостоятельными, независимыми и, следовательно, более опасными для любой власти. Поэтому советские карательные органы свирепствовали здесь еще безудержнее.

К настоящему времени усилиями сотрудников «Мемориала», профессиональных историков, краеведов, журналистов восстановлены имена огромного количества жертв этого произвола и вершивших его палачей. Подготовлены и опубликованы «Книги памяти жертв политических репрессий» или аналогичные издания по Республике Алтай (два тома), по Республике Бурятия (один том) и по Республике Хакасия (три тома), по Алтайскому (шесть томов) и по Красноярскому (пять томов) краям, по Иркутской (пять томов), Кемеровской (два тома), Новосибирской (три тома), Омской (девять томов), Томской (пять томов) и Тюменской (два тома) областям. Аналогичная работа ведется в Рес-

публике Бурятия и в бывшей Читинской области (Восточное Забайкалье). Большая часть имен невинно пострадавших от государственной власти и затем ей же реабилитированных выявлена и опубликована. Однако даже эта элементарная, преимущественно поисковая по своему характеру работа далека от завершения. Что же касается научного исследования всего комплекса проблем «Большого террора», то она ведется очень бессистемно и фрагментарно.

Возьмем одно из важнейших направлений этого изучения: репрессии против «инонационального» населения в Сибири, под которым понимаются аборигены и пришлые нерусские. К настоящему времени относительно активно ведется работа по анализу репрессий только против наиболее крупных сибирских этносов: алтайцев, бурятов, хакасов и якутов². Что касается пришлых нерусских народов, то здесь серьезные результаты достигнуты в исследовании только немцев и поляков³. На этом фоне явно отстающим участком выглядит ситуация с изучением репрессий против эстонского населения, хотя в начале 1930-х годов здесь проживало не менее 30 тыс. эстонцев и выходцев из Эстонии. Опубликованные в самой Эстонии во второй половине 1990 – начале 2000-х годов книги, в которых приводится около 16,5 тыс. имен репрессированных в СССР эстонцев и уроженцев Эстонии, не решают названной проблемы⁴.

В данной статье поставлена очень скромная задача: частично восполнить указанный пробел, рассказав о той трагедии, которая произошла в конце 1937 – начале 1938 г. с жителями Кольцовского сельсовета Ижморского района Новосибирской (ныне – Кемеровской) области. Предлагаемый материал нужно расценивать как продолжение нашей публикации о памятнике эстонцам – жертвам сталинских репрессий и об установивших его в 1966 г. людях, которая была написана более двух десятков лет тому назад и которая завершалась обещанием продолжить рассказ⁵.

Первые эстонцы появились в Сибири в потоке других прибалтов в начале XIX в. Но большая их часть переселилась в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. Видимо, в самом начале XX в., скорее всего в 1900 г., возникло поселение Кольцовка, ставшее местом проживания и центром притяжения для большинства эстонцев, осевших в юго-западной части Мариинского уезда Томской губернии. Дома и хозяйственные постройки жителей Кольцовки тянулись с запада на восток параллельно переселенческому тракту Щеглово (ныне – областной центр Кемерово) – Мариинск и небольшой речушки Кольцовка, являвшейся левым притоком реки Алчедат.

Неподалеку от Кольцовки протекала еще одна, более крупная река, носившая интригующее название Золотой Китат и изобиловавшая в то время рыбой. С правой стороны переселенческого тракта находилась знаменитая Мариинская тайга, которая манила своими золотыми россыпями, была богата кедром, зверем, дичью, ягодами и грибами. А по правому берегу Алчедата тянулась пригодная для занятия земледелием и животноводством лесостепь, перемежавшаяся березовыми колками и сосновыми борами.

Не случайно, что эти места многие эстонцы облюбовали для своих хуторов и заимок. Одни из них обосновались на левом берегу Алчедата и около впадавших к нему таежных ручьев, другие – в черной тайге, третьи – вдоль полевых речушек вроде Байдана. Они поставили амбары и риги, оборудовали мельницы и запруды, расчистили тайгу и лес под посев зерновых и для покоса. С тех пор эти места получили название их хозяев и закрепились в местной топонимике. Так появились, например, «Пехков угол» на реке Алчедат и «Шпанерова поляна» в ближайшей тайге. «Угол» получил свое название от эстонской фамилии Пехк, а «поляна» была обязана своим происхождением Шпанерам.

Кольцовка как место проживания для переселенцев было благоприятное. Она располагалась между поселком Златогорка и селом Красный Яр Златогорской волости Мариинского уезда. До волостного центра, которым являлся Красный Яр, было недалеко – около пяти верст. Но до ближайшей железнодорожной станции Ижморская, что стояла на Транссибирской магистрали, было почти в десять раз дальше – около 50 верст. До уездного города Мариинска это расстояние нужно было удвоить. К 1917 г. численность населения Кольцовки достигла почти 500 человек. Она входила в семерку самых крупных по этому показателю эстонских поселений Сибири и была третьей по величине в Томской губернии ⁶.

Эстонцы, занятые тяжелым трудом, жили довольно обособленно. Со своими соседями – русскими, украинцами, чувашами – они контактировали мало. В быту использовали только родной язык. В числе их приоритетов было обучение детей, для чего они почти сразу же создали начальное училище ⁷. Преподавал в нем Михаил Юрьевич Матс (1875 г. рождения), имевший незаконченное среднее образование. Он же выполнял обязанности пастора.

К местным природно-климатическим условиям эстонские переселенцы адаптировались довольно быстро. Наряду с традиционными занятиями земледелием и скотоводством они быстро переняли у здешних старожилов способы охоты и ловли речной рыбы, овладели кедровым промыслом и выкуркой смолы. Некоторые мужчины трудились в арте-

лях старателей, мывших золотосодержащий песок в верховьях протекавших неподалеку горных речек Малый и Средний Кельбес.

Революция и гражданская война почти не коснулись кольцовских эстонцев. Жили они в основном вдоль кромки бескрайней тайги и в самой тайге, властям не досаждали, и быстро сменявшие друг друга власти их тоже почти не трогали. Правда, есть данные о том, что во время колчаковщины несколько местных жителей ушли в партизаны, судя по всему в отряд под командованием П.К. Лубкова, оперировавшего преимущественно к северо-востоку от Ижморки. Время от времени партизаны во главе с П.К. Лубковым наведывались и в Златогорскую волость, чтобы разогнать колчаковскую милицию или, наоборот, скрыться от преследовавших их белогвардейцев. Во время одного из таких походов карательный отряд прапорщика Корзуна по указке М.Ю. Матса сжег четыре дома кольцовских жителей, названных им партизанами. После разгрома колчаковцев в Кольцовке была установлена Советская власть и образован сельсовет.

1920-е годы, на которые пришлась новая экономическая политика, также были относительно благополучными. В 1924 г. в Западной Сибири началось административно-территориальное переустройство, так называемое районирование: были ликвидированы волости, уезды и губернии и вместо них созданы районы и округа. Кольцовский сельсовет сначала вошел в Троицкий район Томского округа. Тогда же Советская власть декларировала ставку на законность и культурного, другими словами – зажиточного, крестьянина. В рамках нэпа заметные подвижки произошли в национальной политике: Советская власть стала поощрять национальную культуру, создавать национальные сельские советы, разрешила вести делопроизводство в местных учреждениях на языках национальных меньшинств.

Не обошли стороной эти веяния и Кольцовку. В 1926 г. сюда прибыли Маргын Янович Кресс и Генрих Рейнович Яксон. Они были командированы по партийной линии из Москвы для усиления коммунистического влияния среди соотечественников. М.Я. Кресс тогда был еще совсем молодым человеком. Он родился 17 июля 1905 г. в Ревеле, в 16 лет вступил в Коммунистическую партию Эстонии. В начале 1921 г. М.Я. Кресс состоял членом Ревельского подпольного комитета комсомола и одновременно служил делопроизводителем коммунистической фракции Рийгигогу (парламента). Когда над М.Я. Крессом нависла угроза ареста, его переправили в советскую Россию, в Петроград. Здесь молодой коммунист сначала учился на рабочем факультете Эстонского пролетарского университета, а затем окончил Ленинградскую партийно-

советскую школу. В 1922–1923 гг. он избирался членом Василеостровского райкома РКП(б), кандидатом в члены губернского исполкома советов. Прибыв в Кольцовку, М.Я. Кресс активно включился в общественно-политическую работу. В 1927–1928 гг. он избирался членом Томского окружного комитета ВЛКСМ, с середины 1930 г. состоял членом Ижморского райкома ВКП(б) и исполкома советов, одно время был председателем Кольцовского сельсовета и сельского потребительского общества. Приехавший с М.Я. Крессом Г.Р. Яксон стал работать в Кольцовке учителем, заменив на этой должности М.Ю. Матса.

Хотя те, кто Советской власти представлялся социально чуждым или по каким-либо причинам опасным, в 1920-годы подвергались как дискриминации, так и репрессиям. Например, дважды лишали права участвовать в выборах в Советы и внесли в категорию так называемых «лишенцев» М.Ю. Матса. Еще суровее Советская власть обошлась с имевшим крупное хозяйство Иосифом Матвеевичем Пурландом (родился 8 января 1870 г.). Он был зачислен в «кулаки» и в 1927 г. осужден на три года лишения свободы. В 1929 г. был исключен из ВКП(б) и приговорен к двум месяцам принудительных работ Арнольд Александрович Эльман.

Особенно резко ситуация изменилась на рубеже 1920–1930-х годов, когда подверглись репрессиям сначала пасторы и беспартийные учителя-эстонцы, а затем в ходе массовой коллективизации – зажиточные хозяева, отнесенные органами Советской власти к категории «кулаков». В 1933 г. к тому времени остепенившийся и ставший отцом двух дочерей и сына М.Я. Кресс был исключен из рядов ВКП(б). В 1935 г. его вывели из состава Ижморского райисполкома советов. Он переселился в поселок Сухой соседнего Кельбесского сельсовета, где устроился работать подручным слесаря. Лишился своей учительской должности Г.Р. Яксон. В последующие несколько лет отдельные эстонцы попадали под жернова органов государственной безопасности во время проведения ими так называемых «национальных» операций. Особенно часто это случалось при преследовании немцев и других прибалтов, которые рассматривались руководством Советского Союза как потенциальная «пятая колонна»⁸.

Но 1937 г. для советских эстонцев, живших в Сибири, выдался особенно жестоким. В этом году они впервые стали непосредственным объектом специальных операций органов государственной безопасности. Такое внимание к эстонцам было откликом спецслужб на речь Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников» на февральско-мартовском пленуме ЦК партии, когда вождь

заявил, что по мере завершения строительства социализма классовая борьба будет обостряться. С этого времени шпиономания и доношительство, которые для многих граждан Советского Союза уже являлись нормой жизни, стали ее главной смыслом и целью.

Судя по всему, первой чекистской операцией, направленной против эстонцев, было «дело», получившее официальное название «Фонтанники». Этимология этого странного слова такова. Изначально «фонтанниками» именовались члены эстонского клуба политэмигрантов в Ленинграде, который существовал с середины 1920-х годов и располагался на Фонтанке. Точно так же в 1937 г. ленинградские чекисты называли «дело», в ходе которого они якобы ликвидировали группу шпионов и вредителей, завербованных эстонской разведкой из числа политэмигрантов, состоявших в этом клубе и тесно связанных с «троцкистами-террористами»⁹.

Весной – летом 1937 г. в разных городах и районах Западно-Сибирского края органы государственной безопасности арестовали несколько десятков эстонцев. Первоначально их намеревались представить как диверсионно-повстанческую террористическую организацию, созданную прибывшими из Ленинграда в Западную Сибирь членами разгромленной троцкистско-зиновьевской фракционной группы Коммунистической партии Эстонии, и тоже поименовали «фонтанниками». 25 августа 1937 г. «тройка» управления НКВД по Западно-Сибирскому краю рассмотрела материалы о первой группе эстонцев, руководителем которой считался А.Я. Пуна – заведующий сельскохозяйственным отделом издававшейся Западно-Сибирским краевым комитетом ВКП(б) на эстонском языке газеты «Коммунар». «Тройка» приговорила 11 человек к высшей мере наказания, шестеро подсудимых получили по 10 лет и один – восемь лет лишения свободы и заключения в исправительно-трудовых лагерях¹⁰.

Но затем, судя по всему, у чекистского руководства возникла идея перекалцифицировать арестованных эстонцев в членов фашистской эстонской контрреволюционной организации. Во всяком случае именно такое обвинение было сформулировано в постановлении, составленном в конце сентября 1937 г. сотрудником контрразведывательного отдела управления НКВД по Новосибирской области О.Ю. Эденбергом, кстати, эстонцем по национальности. Последнее свидетельствовало о намерении руководства органов НКВД только что образованной Новосибирской области придать этой «национальной» операции широкие масштабы¹¹.

Как утверждали чекисты, переехавшие из Ленинграда в Сибирь и арестованные ими П.Ю. Аммер и А.А. Персон показали, что здесь су-

ществовала разветвленная «контрреволюционная эстонская шпионско-диверсионная и террористическая организация». Во главе ее, якобы, находился руководящий Сибирский центр, который состоял из Я.А. Пельдема и А.И. Розберга (в источниках и в публикациях он иногда ошибочно называется Ройзбергом или Розенбергом). Затем задним числом в состав Сибирского центра был включен уже расстрелянный к тому времени А.Я. Пуна.

Названные люди не случайно были избраны чекистами на роль руководителей эстонской контрреволюционной организации, поскольку по характеру своей работы они имели широкие контакты со своими соотечественниками. Выходец из крестьян 47-летний Ян Адович Пельдема вступил в большевистскую партию в апреле 1918 г. Во время гражданской войны он служил в военно-революционных трибуналах на Украине. В начале 1920-х годов Я.А. Пельдема являлся одним из руководителей эстонской секции Сибирского бюро ЦК РКП(б), затем – Сибирского крайкома РКП(б)–ВКП(б). Имея всего лишь начальное образование, в 1922 г. он стал редактором выходившей в Новониколаевске (Новосибирске) на эстонском языке еженедельной газеты «Siberi Teataja» («Сибирские известия»). Во многом благодаря Я.А. Пельдема с 1922 по 1925 г. тираж газеты удалось увеличить с 200 до 2 400 экземпляров, а количество подписчиков – со 150 до 2 200. С 1927 г. газета стала выходить на четырех страницах. Как свидетельствует ее тираж, достигший в 1928 г. 4,8 тыс. экземпляров, газета была довольно популярной среди эстонского населения. В 1926–1930 гг. в качестве бесплатного приложения к газете стал издаваться сельскохозяйственный и литературный журнал «Uus Kula» («Новая деревня»). В марте 1930 г. газета переименовала свое название на «Коммунар». Она имела довольно квалифицированный журналистский коллектив и широкую сеть местных корреспондентов из рабочих и крестьян, начала издаваться два раза в неделю. Но 20 октября 1933 г. Я.А. Пельдема был переведен на другую работу и назначен председателем Западно-Сибирского радиокomiteта.

Александр Иоганович Розберг был на два года моложе Я.А. Пельдема. В РКП(б) он вступил, как минимум, на год позже, но имел среднее (по другим данным – даже высшее) образование. С 1929 г. он работал заместителем редактора газеты «Siberi Teataja», а после ухода Я.А. Пельдема в радиокomiteт был назначен редактором газеты «Коммунар». В марте 1936 г. его перевели работать в Ойрот-Туру (ныне – Горно-Алтайск) инструктором Ойротского областного комитета ВКП(б).

С грубейшим нарушением даже тех упрощенных норм судопроизводства, которые существовали в советских карательных органах

(по «делу» в целом даже не было составлено обвинительное заключение), «тройка» управления НКВД по Западно-Сибирскому краю приняла «дело» о группе Пельдема – Розберга к рассмотрению. В нее, кроме Я.А. Пельдема и А.И. Розберга, были включены еще 11 человек: живший в Новосибирске слесарь В.К. Вейсман, инструктор Западно-Сибирского краевого исполкома советов И.Ю. Весткрольд, учитель села Ускуль Татарского района И.Я. Кауниссар (раньше работавший в газете «Коммунар»), слесарь завода № 5 Новосибирска И.Я. Климентс (другое написание фамилии – Клеметс), завхоз промартели «Деятель» города Мариинск А.К. Луми, житель села Эстония Белоглазовского района Ю.Я. Паульман, новосибирская портниха А.И. Педрас, заведующий магазином № 19 Новосибирска М.А. Поресс, бухгалтер Бердского физиотерапевтического санатория О.Я. Пусепп управляющий сельскохозяйственным банком города Татарск П.М. Рябин и сотрудник пожарной охраны Новосибирска Н.И. Тамберг. Постановлением от 13 сентября 1937 г. все 13 человек, якобы состоявшие в этой группе, были приговорены к высшей мере наказания и через пять дней расстреляны¹².

Дальнейшие действия органов государственной безопасности были вполне логичными и легко прогнозируемыми. Разгром Сибирского центра эстонской контрреволюционной организации в Новосибирске требовалось подкрепить обнаружением его ячеек на местах. Это развязало руки низовому аппарату НКВД, и чекисты тех административно-территориальных единиц, в которых проживали эстонцы, не могли не воспользоваться представившейся им возможностью. Угроза нависла над всеми районами, в которых проживали эстонцы и тем более имелись эстонские поселения. В конце 1937 – первой половине 1938 г. в Новосибирской области репрессии обрушились на эстонцев Мошковского и Тогучинского районов, где в общей сложности было арестовано 90 человек, около 60 из которых подверглись расстрелу¹³. Тогда же чекисты добрались и до эстонцев Кольцовского сельсовета.

Напомню, что в июне 1930 г. Троицкий район, в который входил Кольцовский сельсовет, был упразднен, а вся ранее входившая в него территория и населенные пункты перешли в Ижморский район. Несмотря на проведенное укрупнение, Ижморский район оставался одним из самых мелких в Западной Сибири. На 1 июля 1937 г. в нем насчитывалось всего 22 сельсовета, 29 клубов и 18 изб-читален. Районная организация коммунистов, являвшаяся опорой сталинского режима, была немногочисленная – 160 членов и кандидатов в члены ВКП(б). В районе имелся 121 колхоз, которые обслуживали три МТС, распола-

гавшие 41 комбайном, 14 тракторными сноповязалками, 400 жатками и 80 сложными молотилками¹⁴.

В Ижморском районе Кольцовский сельсовет, охватывавший всего 47 кв. км., был самым маленьким по территории и принадлежал к числу четырех самых отдаленных от райцентра. Он включал в себя только три населенных пункта (село Кольцовка, поселки Будовка и Кольцовка-2), в которых насчитывалось 115 домохозяйств (дворов). В самой Кольцовке имелись начальная школа, сельское потребительское общество (сельпо) и изба-читальня. Большинство трудоспособного населения, проживавшего на территории сельсовета, являлись членами трех колхозов: сельхозартелей «Коммунар» и «Пунане липп» («Красное знамя») и промысловой артели «Пихтач». Особенно маленькой была промартель «Пихтач», в которой числилось всего 22 колхозника, трудившихся главным образом на пихтовом заводе. Но пять домохозяйств Кольцовского сельсовета оставались единоличными.

Колхозы Кольцовского сельсовета из-за отдаленности и малочисленности земельных угодий, пригодных для посева зерновых, МТС не обслуживались. Это означало, что главной тягловой силой в колхозах оставались лошади, а преобладающим – ручной труд. Трудовая дисциплина в колхозах была низкой, колхозники часто просто не выходили на работу. На молочно-товарных фермах был большой падеж общественного скота. Впрочем, аналогичное положение с животноводством наблюдалась в большинстве колхозов района.

Шестого ноября 1936 г. самый крупный и передовой колхоз Кольцовского сельсовета артель «Пунане липп» получила государственный акт, в соответствии с которым за ней в бессрочное пользование закреплялось 2 480 гектара земли. Посевная площадь была невелика, не достигая даже десятой части закрепленной за колхозом территории. Но в «Пунане липп» продолжались работы по раскорчевке земли для увеличения площади пашни. Урожайность в колхозах Кольцовского сельсовета была невысокой. В «Пунане липп» она составляла 10,4 центнера с гектара¹⁵.

В 1937 г. Ижморский район жил в атмосфере, во многом созданной под влиянием установок руководства ВКП(б) и лично И.В. Сталина. Например, 2 января президиум районного исполкома советов обязал председателей сельсоветов организовать в каждом колхозе кружки по изучению доклада И.В. Сталина о проекте Конституции Союза ССР, сделанном 25 ноября 1936 г. на VIII чрезвычайном Всесоюзном съезде советов, и «на основе этого исторического документа добиваться повышения производительности труда, организации подъема волны ста-

хановского движения и лучшей подготовки к весеннему севу, за рекордные урожаи»¹⁶.

После февральско-мартовского пленума 1937 г. Ижморский район буквально лихорадило. Его партийно-советское руководство и актив стали заниматься в основном поисками шпионов и вредителей и доношением друг на друга. Уже 6 апреля 1937 г. в Западно-Сибирский крайком ВКП(б) от кого-то из местных коммунистов поступила информация о том, что «становится все более и более очевидно, что в районе орудуют враги народа». Из-за взаимной подозрительности и недоверия друг к другу на проходившей 23–29 апреля 1937 г. районной конференции ВКП(б) коммунисты не могли избрать членов райкома партии в течение трех дней. 27 мая начальник Ижморского районного отдела НКВД младший лейтенант государственной безопасности Е.Х. Мартынов донес по инстанции начальнику управления НКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронову, что на этой партконференции классовая бдительность членов ВКП(б) «притуплялась», а критика и самокритика «была развернута недостаточно». Похоже, тем самым Е.Х. Мартынов пытался отомстить своим товарищам по партии за то, что они забаллотировали его в члены бюро райкома.

Первого июля бюро Ижморского райкома ВКП(б) нанесло по Е.Х. Мартынову ответный удар. На своем закрытом заседании оно заслушало его сообщение о работе районного отдела НКВД и признало, что он «до сего времени не перестроил своей работы в соответствии с решениями пленума ЦК ВКП(б), доклада и заключительного слова тов. Сталина» и что аппарат районного отдела НКВД «не приведен в надлежащую боевую мобилизованность для борьбы с контрреволюционными враждебными элементами». Бюро райкома посчитало, что такое положение является «результатом наличия элементов благодушия в аппарате рай[онного отдела] НКВД и его руководителя тов. Мартынова». Проанализировав несколько частных конфликтов на бытовой почве, которые оно интерпретировало как вылазки враждебных элементов, бюро райкома вынесло Е.Х. Мартынову предупреждение и предложило «немедленно извлечь уроки из отмеченных фактов для перестройки своей работы».

Еще раньше, 16 июня, бюро райкома ВКП(б) приняло постановление, в котором предупредило сельсоветы о необходимости «усиления революционной бдительности каждого члена сельсовета». Оно потребовало от них «давать решительный отпор» малейшему проявлению классово враждебных вылазок.

Для характеристики атмосферы того времени, существовавшей в Ижморском районе, весьма показательны два документа. Первый из

них – это принятое 30 июля XII пленумом райисполкома советов постановление, посвященное подготовке к уборке урожая 1937 г. Оно завершалось требованием «еще выше поднять большевистскую бдительность и беспощадно вести борьбу с врагами народа»¹⁷.

Второй документ – постановление совместного заседания бюро райкома ВКП(б) и президиума райисполкома советов от 2 сентября 1937 г., который был принят по итогам обсуждения промежуточных результатов уборки хлеба и его сдачи государству. Констатируя, что много сжатого хлеба в районе еще не заскирдовано и не обмолочено, это заседание главной причиной такого «позорного состояния» назвало наличие «недостаточно решительной борьбы с фактами враждебных действий в отдельных колхозах». От имени райкома ВКП(б) и райисполкома совместное заседание предупредило все партийные организации, председателей сельсоветов и колхозов, работников МТС, «каждого партийного и непартийного большевика», что «враги народа – охвостья троцкистско-зиновьевских и бухаринско-рыковских бандитов, гнусные агенты японо-германского фашизма, шпионы и вредители – всяческими способами пытаются подорвать колхозы, сорвать хлебосдачу и хлебоуборку». Основным условием успешной уборки урожая, говорилось в постановлении, должны явиться «высокая революционная большевистская бдительность, беспощадное разоблачение, выкорчевывание и подавление врагов народа, куда бы они ни прятались»¹⁸.

Если бы многие из тех, кто разжигал эту истерию, знали, чем она для них лично обернется, то, возможно, вели бы себя иначе или, во всяком случае, более осмотрительно. Однако они думали, что все эти призывы «искать и выкорчевывать врагов народа» воплощать в жизнь будут они, а их самих репрессивные меры не коснутся. Но в жизни все оказалось совсем иначе. В результате уже в конце лета – начале осени 1937 г. по политическим причинам были исключены из ВКП(б) второй секретарь райкома партии А.Т. Кожевников, член бюро райкома А.Г. Седов, заведующий районным отделом народного образования, секретарь райисполкома И.А. Борисов, исполняющая должность заведующего районным финансовым отделом Сартакова. К январю 1938 г. с формулировкой «как враги народа» были исключены из рядов ВКП(б) очередной секретарь райкома партии М.К. Еременко, член президиума районного исполкома советов Д.Т. Клыков, член райисполкома Силантьев, директор Троицкой МТС Киргетов и многие другие.

Но на состоявшихся 22 января, 18 апреля и 20 июля 1938 г. пленумах райисполкома советов недавно избранные секретари райкома ВКП(б) Бикбулатов и Полунов, исполняющий обязанности председа-

теля райисполкома П.П. Сорокин, заведующий районным земельным отделом Т.И. Козлов, редактор районной газеты «Знамя ударника» Т.В. Медведев, районный прокурор С.С. Рубанов продолжали требовать от коммунистов и советского актива искать и находить новых врагов народа. Кстати, к концу 1938 г. в их числе оказался и сам прокурор С.С. Рубанов, который был арестован органами НКВД¹⁹.

Поиск шпионов, вредителей и врагов народа сопровождался совершенно абсурдными с точки зрения здравого смысла требованиями в хозяйственной сфере. Одной из такого рода нелепых задач стала директива Ижморского райкома ВКП(б) начать весенний сев 1938 г. значительно раньше, чем в предыдущие годы. Естественно, что нашлись руководители колхозов, которые послушно последовали таким инструкциям и даже попытались их перевыполнить. Так, одним из первых в районе, 11 апреля, приступил к севу колхоз «12 декабря». Более того, его председатель Богулко 18 апреля на пленуме райисполкома советов заявил, что «когда мы начали сеять, мы убедились, что можно было начать сев раньше».

В то же время были отдельные руководители колхозов и даже целые хозяйства, которые оказывали пассивное сопротивление неразумной директиве. Такая ситуация сложилась, например, в соседнем с Кольцовкой Красноярском сельсовете. По признанию его председателя Бизина, «отдельные пред[седатели] колхозов бросают печать и отказываются от руководства колхозами». Заведующий районным земельным отделом, член президиума райисполкома Т.И. Козлов утверждал, что «кр[асно]ярские колхозы с[ель]совет насильно выгнал в поле»²⁰. Однако такое поведение со стороны колхозников являлось исключением.

Созданная в Ижморском районе атмосфера, безусловно, угнетающе действовала на большинство населения. Весьма показательным в этом отношении поведение советского актива. Состоявшийся 6 декабря 1938 г. XVII пленум райисполкома признал, что в первом полугодии 1938 г. количество населения, принимавшего участие (а на самом деле, просто числившегося) в работе секций сельсоветов и депутатских групп, «значительно сократилось». В действительности же большинства секций не существовало даже на бумаге²¹. Сельсоветы, являвшиеся фундаментом Советской власти, утратили реальные связи с населением. Они превратились в абсолютно бюрократические учреждения, став одним из послушных звеньев тоталитарной государственной машины.

Кольцовский сельсовет в этом отношении не составлял исключения. Его председателем в начале 1937 г. являлся 55-летний Август Данилович Меус, служивший сталинскому режиму не из-за страха, а из убеж-

дений. Он был коммунистом, в числе первых вступил в колхоз «Пуна-не липп». Правда, руководством колхоза А.Д. Меус был недоволен, обвиняя его председателя во многих грехах: в семейственности, недостатке самокритики, зажиме критики и даже в саботаже государственных мероприятий. Особенно большое недовольство А.Д. Меуса вызывало то, что значительная часть кольцовских колхозников продолжала жить на хуторах. Поэтому апреле 1937 г. на X пленуме райисполкома советов он проявил инициативу и поставил вопрос о ликвидации такой системы в подведомственном ему сельсовете²².

Партийно-советское начальство района ценило А.Д. Меуса за политико-идеологическую преданность, но считало недостаточно дисциплинированным и жестким руководителем. Из-за этого на апрельском пленуме райкома ВКП(б) он был исключен из списка кандидатов в члены райкома партии. Но в июне 1937 г. оно сочло возможным поощрить А.Д. Меуса, переведя его на работу в Ижморку на малозначительную должность старшего инспектора Госстраха районного финансового отдела²³.

Вместо А.Д. Меуса президиум райисполкома рекомендовал на пост председателя Кольцовского сельсовета жившего в соседнем селе Вяземка члена ВКП(б) эстонца Мартына Блумбаха. Но летом некоторое время обязанности председателя исполнял местный коммунист Август Юганович Микк. М. Блумбах председателем был недолго, так как в ноябре его тоже перевели на работу в Госстрах районного финансового отдела. На этот раз должность председателя сельсовета перешла к Яну Генриховичу Янсону²⁴.

Я.Г. Янсон среди местной эстонской колонии был фигурой заметной. К тому времени ему исполнилось 44 года. Он был из состоятельной (по чекистской терминологии – кулацкой) семьи. Первый раз в Сибирь Ян приехал в пятнадцатилетнем возрасте. С 1913 по 1917 г. снова проживал в Эстонии. В молодые годы Я.Г. Янсон занимался спортивной борьбой, имел всероссийскую известность и обширные знакомства. В 1930 г. он вступил в колхоз «Пунане липп», но в отличие от своих предшественников остался беспартийным. Одно время Я.Г. Янсон служил в соседнем селе Красный Яр на почте, затем снова вернулся в колхоз. В 1932 г. его жена была арестована за хищение колхозного хлеба и приговорена к 10 годам лишения свободы. Будучи колхозником, Я.Г. Янсон держал небольшое подсобное хозяйство, в котором были лошадь, корова и три овцы.

Внешне в Кольцовке и в прилежавших к ней эстонских хуторах все было по-прежнему. С осени 1937 г. наряду с уборкой урожая и его обмолотом очередной заботой сельсовета стала организация и проведе-

ние первых выборов на основе новой, сталинской Конституции. Постановлением президиума райисполкома от 27 октября в Кольцовке были созданы избирательный участок № 177 по выборам в Совет Союза и избирательный участок № 453 по выборам в Совет национальностей. Председателем избирательной комиссии был назначен уже живший в Ижморке представитель районного центра А.Д. Меус и местные советские активисты Э.В. Иллус и Ю.Ю. Пусеп²⁵.

«Гром» над эстонцами, жившими в Ижморском районе, грянул в самом начале зимы. 3 декабря 1937 г. сотрудники Ижморского районного отдела НКВД произвели аресты заведующего местным радиоузлом Освальда Густавовича Лауга и радиста-монтера этого же радиоузла Яна Петровича Пехка, проживавших вместе в районном центре по улице Коммунистическая, дом 2.

Затем последовала череда арестов других эстонцев. 5 декабря были взяты А.Г. Арак, М.Ю. Матс и В.М. Пехк в Кольцовке, И.М. Пурланд – в Пихтаче, Э.Ю. Пусеп – в Красном Яре, А.А. Эльман – в поселке Будовка, 7 декабря – М.Я. Кресс в поселке Сухой Кельбесского сельсовета Барзасского района, 8 декабря – И.М. Янсон в поселке Верхне-Зимовский Тихеевского сельсовета, 10 декабря – Г.В. Ячмулин в деревне Азаново Ижморского сельсовета и А.Г. Каарна в Ижморке. К тому времени А.Г. Арак (родился 5 апреля 1892 г.) состоял кандидатом в члены ВКП(б) и работал контролером сберкассы в Красном Яре, А.Г. Каарна (родился 21 июня 1912 г., был инвалидом – не имел одной ноги) – преподавал в Ижморской средней школе, М.Ю. Матс заведовал молочно-товарной фермой, В.М. Пехк (родился в Юрьеве в 1896 г.) был счетоводом промартели «Пихтач», И.М. Пурланд – сторожем в «Пихтаче», Э.Ю. Пусеп (1908 г. рождения) – кассиром Красноярской сберкассы, А.А. Эльман – секретарем Кольцовского сельсовета, И.М. Янсон – продавцом отдела рабочего снабжения Китатского леспромпхоза. В качестве меры пресечения для арестованных начальник Мариинского оперативного сектора управления государственной безопасности НКВД назначил содержание под стражей при Мариинской тюрьме, куда их всех немедленно доставили.

В справке, составленной не позднее 8 декабря 1937 г. помощником оперативного уполномоченного сержантом госбезопасности И.В. Дорофеевым и начальником Ижморского районного отдела НКВД Е.Х. Мартыновым, причины произведенных арестов объяснялись тем, что в Ижморский районный отдел НКВД поступил материал, свидетельствующий о том, что в Кольцовском сельсовете «создана контрреволюционная троцкистско-шпионско-диверсионная повстанческая группа».

Между тем в архивно-следственном деле никакого материала, подтверждающего наличие такой группы, не содержится. Совершенно очевидно, что чекистам не удалось получить его в ходе обысков, которые они проводили во время арестов. На первых порах единственными документами, которые могли использовать чекисты в целях обвинения подозреваемых, являлись составленные председателем и секретарем Кольцовского сельсовета справки на М.Я. Кресса и О.Г. Лаугу. В них М.Я. Крессу и О.Г. Лауге давалась отрицательная общественно-политическая характеристика. Правда, самый большой грех, который им приписывался кольцовскими сельсоветчиками, состоял в том, что они контактировали с покончившим жизнь самоубийством членом Ижморского райкома ВКП(б) Поволоцким и с арестованным к тому времени бывшим учителем Г.Р. Япсоном.

Чекисты, составлявшие справку на арестованных, историю создания этой «контрреволюционной группы» освещали так. Якобы еще в 1921 г. эстонская разведка завербовала М.Я. Кресса и Г.Р. Япсона и перебросила их в РСФСР для создания шпионской повстанческо-диверсионной организации. В Петрограде они вступили в РКП(б) и поступили в партийно-советскую школу, по окончании которой прибыли в Кольцовку. В Кольцовке М.Я. Кресс и Г.Р. Япсон установили контакт с М.Ю. Матсом, которого авторы справки назвали «бывшим пастором лютеранского вероучения, колчаковским шпионом, эсеро-меньшевиком», и О.Г. Лаугой, имевшим на своей квартире радиоприемник. Совместными усилиями они создали контрреволюционную организацию, имевшую связь с Эстонией по почте и с 1931 г. – с помощью радио. Чекисты утверждали, что названная группа распространяла клевету на Советскую власть, восхваляла капиталистический строй и «банду» Л.Д. Троцкого, «обрабатывала» в соответствующем духе молодежь, призывала к созданию организации для борьбы против Советской власти и для ее свержения в случае возникновения войны.

Как известно, при отсутствии доказательств для составления обвинения чекисты почти всегда прибегали в использовании признательных показаний арестованных. В данном случае они действовали по привычной схеме. Допросы начались 6 декабря. Вели их сотрудники Ижморского районного отдела НКВД И.В. Дорофеев и В. Маслов, а также оперативный уполномоченный 3-го отделения управления государственной безопасности Мариинского оперативного сектора Деев. Как правило, последственным задавали одни и те же вопросы: когда и откуда прибыли в СССР; кто из родственников и знакомых проживает за границей, в том числе в Эстонии, и в СССР; кем завербован и кого завербовал; состав и

задачи контрреволюционной группы или организации; как осуществляли вредительство; есть ли оружие; получаете ли эстонские газеты?

Если верить материалам следствия, то все без исключения арестованные дали признательные показания. В протоколах допросов М.Я. Кресса и О.Г. Лауги имеются записи о том, что они были завербованы в контрреволюционную организацию летом 1933 г. Я.А. Пельдема и А.И. Розбергом, когда те приезжали в Кольцовку. Тем самым изначально чекистская версия о том, что кольцовскую группу создал эстонский шпион М.Я. Кресс, была фактически отвергнута. М.Я. Кресс в качестве шпиона упоминался только в протоколе допроса Г.В. Ячмулина, который сам в следственных документах назывался то завербованным эстонской полицией с 1928 г., то эстонским шпионом с 1929 г. Но отмеченные противоречия не смущали сотрудников НКВД. Роль руководителя разоблаченной группы от М.Я. Кресса они как бы «передали» О.Г. Лауге, скорее всего потому, что он являлся коллегой и подчиненным уже расстрелянного «руководителя» так называемого Сибирского центра Я.А. Пельдема. В протоколе допроса М.Я. Кресса зафиксировано утверждение о том, что в СССР существует эстонская контрреволюционная организация, имеющая всесоюзный масштаб с руководящим центром в Москве, и пофамильно названы многие ее члены, проживавшие в Сибири и даже за ее пределами.

Относительно задач, которые возлагались на контрреволюционную организацию, во втором протоколе допроса О.Г. Лауги имеется такая запись: «[...] Вести пропаганду фашистских идей среди эстонского населения и восхвалять порядки фашистской Эстонии, распространять контрреволюционную агитацию против существующих советских порядков в СССР, вести вредительскую диверсионную работу в колхозах и промышленных предприятиях, подрывать мощь Советского Союза. В военное время контрреволюционные группы нашей организации должны были проводить диверсионно-разрушительную работу на транспорте с тем, чтобы лишить переброски военных грузов и продовольствия для Красной армии, и по указанию организации поднять восстание в тылу Красной армии».

Примерно такие же записи содержатся в протоколах допросов других подследственных. Так, живший в Кольцовке В.М. Пехк признался в том, что это он вместе с И.М. Пурландом сжег кузницу в промартели «Пихтач». Но особенно странно впечатление оставляет такой фрагмент показаний, зафиксированный в протоколе допроса В.М. Пехка: «В момент вооруженного восстания против Советской власти я взял на себя обязательство разбирать железнодорожное полотно и производить крушения

поездов, а наши повстанческие отряды должны [были] их захватывать». Напомню, что эти операции должны были осуществлять жители Кольцовки, находившейся примерно в 50 верстах от железной дороги!

В протоколе допроса О.Г. Лауги приведен список всех 12 членов якобы руководимой им группы, правда, не вполне совпадающий со списком арестованных 3–10 декабря. Среди этих 12 человек фигурирует и фамилия председателя Кольцовского сельсовета Я.Г. Янсона, находившегося в то время на свободе, принимавшего участие в качестве понятого в арестах и подписывавшего справки на арестованных.

10–12 декабря 1937 г. всем арестованным было объявлено об окончании следствия. Их ознакомили с имевшимися протоколами допросов. Арестованные согласились с зафиксированными показаниями и от каких-либо дополнений отказались. 14 декабря начальник Мариинского оперативного сектора управления государственной безопасности НКВД утвердил обвинительное заключение. В нем говорилось, что Мариинский оперативный сектор раскрыл и ликвидировал фашистскую, диверсионно-повстанческую организацию во главе с О.Г. Лаугой, созданную из эстонцев по заданию зарубежных разведывательных органов. В обвинительном заключении утверждалось, что «наряду с подготовкой к вооруженным выступлениям против Советской власти участники организации вели активную контрреволюционную деятельность, направленную на развал колхозов, путем вредительских и диверсионных актов уничтожали скот, совершали поджоги, вели контрреволюционную фашистскую агитацию, призывали эстонское население к активной борьбе с Советской властью». В заключении констатировалось, что подследственные виновными себя признали и поэтому подлежат суду по статье 58-2-9-10-11 Уголовного кодекса РСФСР.

Дело «группы Лауги», которому был присвоен № 43682, рассматривалось 9 января 1938 г. в Новосибирске так называемой «двойкой», состоявшей из представителей НКВД и прокуратуры СССР. Всем подсудимым была вынесена высшая мера наказания – расстрел. 27 января того же года приговор был приведен в исполнение²⁶.

Чекисты еще не закончили писать обвинительное заключение на «группу Лауги», когда приступили ко второй серии арестов эстонцев, проживавших в Ижморском районе. Главная причина новой волны арестов заключалась в том, что еще оставалась на свободе основная масса людей, которых одновременно можно было идентифицировать по двум серьезным основаниям: и как вредителей (врагов народа), и как предателей, в том числе шпионов враждебных государств. Послед-

нее обстоятельство в глазах высшего и местного партийно-советского и чекистского руководства делало их более опасными для дела строительства социализма.

Но для проведения масштабной чистки имелись и исключительно локальные причины. Между разными группами местных эстонцев существовали непростые отношения, которые время от времени принимали конфликтный характер на личной и бытовой почве. По мере насаждения среди эстонского населения атмосферы тотальной подозрительности появились такие граждане (прежде всего – коммунисты и советский актив), которые были склонны не только интерпретировать взаимоотношения сквозь призму обострения классовой борьбы, но и разрешать конфликты в свою пользу, апеллируя к органам государственной безопасности.

Для иллюстрации сказанного весьма показательным заседанием Кольцовского сельсовета, состоявшееся 9 декабря 1937 г., когда первая волна арестов, затронувшая местных жителей, уже почти прошла. В заседании участвовали председатель сельсовета Я.Г. Янсон, члены сельсовета А.А. Вилль, О. Иллу, А.Ю. Микк, Х.О. Пельт, Э.М. Эйгус, Ю.А. Эльман и в качестве представителя райисполкома А.Д. Меус. Совершенно естественно, что сельсовет принял решение исключить из списков избирателей всех уже арестованных. Одновременно он постановил сообщить районному руководству дискредитирующие сведения об Анне Микк и Томасе Строде.

Тогда же сельсовет обсудил поступившее из колхоза «Коммунар» заявление (акт) о «покушении» на Ю.А. Эльмана со стороны А.О. Падрасона и некоторых других колхозников. Из протокольной записи невозможно понять, о чем конкретно идет речь. Но важно другое. В речах выступивших в прениях А.Д. Меуса и Э.М. Эйгус прозвучали такие оценки: «Там работает классовый враг, надо дело передать следственным органам», «там действует классовый враг, и не было классовой бдительности со стороны колхозников». По итогам обсуждения вопроса сельсовет вынес постановление передать заявление «следственным органам для привлечения к законной ответственности»²⁷.

На этот раз ордера на арест кольцовских эстонцев выдавал Ижморский районный отдел НКВД. В основном его же сотрудники производили аресты подозреваемых. 14 декабря в Кольцовке были арестованы председатель сельсовета Я.Г. Янсон, члены колхоза «Пунане липп» Ю.А. Анги, Я.К. Арак, братья О.Я. и П.Я. Вебер, А.Б. Иваск, Г.Я. Лутс, А.Ю. Пехк, Г.Ю. Тихазе, А.Ф. Эрлих, члены промартели «Пихтач» А.Ю. Кивит, Э.Ю. Корп, Г.Л. Пельт, А.К. Уйга, Г.С. Шпанер, колхозник из «Коммуна-

ра» А.Я. Вебер, работавший продавцом в деревне Новониколаевка А.М. Пехк, почтальон Ю.Ю. Тихазе, в поселке Будовка – члены колхоза «Коммунар» Э.И. Кульман, Ю.Я. Мюрк, братья А.О. и Ю.О. Падрасон, Э.П. Панк, Ю.А. Эльман, работавший кузнецом в «Пунане липп» О.Я. Отсман, в Ижморке – слесарь местной МТС Ю.А. Вилль. 15 декабря аресты продолжались. В Кольцовке чекисты и сотрудники милиции взяли колхозников «Пунане липп» Ю.Г. Каарна и А.А. Руутника, членов промартели «Пихтач» братьев Д.Ю. и Ю.Ю. Ционов, единоличника В.Г. Циона и продавца сельпо Р.А. Эльмана, в поселке Майский соседнего Вяземского сельсовета – члена промартели «Майский» А.И. Соо.

Вслед затем по ордерам, выданным Чебулинским районным отделом НКВД, 15, 18 и 21 в селе Козеюль Чебулинского района были арестованы эстонцы единоличники К.Ю. Абель, Ф.К. Ратосеп, Р.К. Трейял, не имевший определенного занятия Ю.П. Марфельд и в селе Тихеевка Ижморского района – стожар колхоза «Свобода» В.К. Линт.

Единственной информацией, которой располагал Ижморский районный отдел НКВД ко времени проведения новой серии арестов на подозреваемых, было имевшееся в протоколе допроса О.Г. Лауги упоминание о том, что он вовлек в свою группу председателя Кольцовского сельсовета Я.Г. Янсона. Поэтому Я.Г. Янсон сразу же был квалифицирован чекистами как участник «к[онтр]р[еволюционной] фашистской эстонской диверсионно-повстанческой организации, созданной по заданию зарубежных разведывательных органов, которая готовилась к вооруженному выступлению против Советской власти и совершению диверсионных актов».

На всех остальных арестованных органы госбезопасности никакими инкриминирующими материалами не располагали. Впрочем, чекисты в них и не нуждались, поскольку им удалось быстро получить многочисленные признательные показания. Так, 17 и 19 декабря 1937 г. состоялись два допроса Я.Г. Янсона, которые вел начальник районного отдела НКВД Е.Х. Мартынов. В результате в протоколах допросов Я.Г. Янсона появились такие совершенно абсурдные «признания», плохо согласовавшиеся друг с другом. В одном случае в них утверждалось, что Я.Г. Янсон еще в 1925 г. был завербован бывшим учителем Г.Р. Яксоном и тем самым являлся эстонским разведчиком, который «на территории Советского Союза проводил шпионскую и контрреволюционную работу». В другом месте говорилось, что в контрреволюционную организацию он был вовлечен в сентябре 1933 г. М.Я. Крессом и поддерживал связь с членом руководящего Сибирского центра А.Я. Пуной. В третьем месте Я.Г. Янсону приписывалась

роль связника с бандой Жаркова – так в оперативных документах НКВД именовалась группа крестьян Троицкого сельсовета, не пожелавших в 1931 г. идти в колхоз и оказавших вооруженное сопротивление местным властям.

В протоколе допроса Я.Г. Янсона имеется признание того, что он создал и руководил контрреволюционной организацией, в которую входило 35 эстонцев. Здесь же приводятся их фамилии, имена и отчества, а также утверждается, что члены этой организации вели диверсионно-подрывную работу: ломали сельскохозяйственные машины в колхозах, способствовали падежу скота, готовили диверсии на железнодорожном транспорте. Кроме того, они намеревались осуществить террористический акт против первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе.

Протоколы допросов остальных подследственных имеют, с одной стороны, столь же откровенные, с другой – совершенно неконкретные признания об их антисоветской деятельности. В качестве типичного примера можно привести такой фрагмент из протокола допроса А.О. Падрасона:

«Вопрос: Следствием установлено, что Вы являетесь участником контрреволюционной эстонской фашистской организации. Признаете Вы это?

Ответ: Да, признаю. Я являюсь участником контрреволюционной диверсионно-повстанческой группы, существовавшей в колхозах Кольцовского сельсовета Ижморского района, которая входила в состав эстонской национальной фашистской организации».

Намного хуже у чекистов обстояло дело с фактами, которые подтверждали бы антисоветскую деятельность возглавляемой Я.Г. Янсоном группы. Вот один из примеров того, что могли чекисты конкретно поставить в вину подозреваемым. Почтальону Ю.Ю. Тихазе инкриминировалось, что он «в контрреволюционных целях уничтожал центральные газеты “Правда”, “Известия”, журналы, идущие в издучитальню и красные уголки в колхозах».

19–22 декабря 1937 г. всем арестованным, количество которых было доведено до 38 человек, объявили об окончании следствия и ознакомили с протоколами допросов. Арестованные подтвердили свои показания и отказались сделать какие-либо дополнения. 23 декабря оперативный уполномоченный 3-го отдела управления государственной безопасности НКВД по Новосибирской области Л.А. Маслов завершил составление обвинительного заключения по делу № 51763 о «контрреволюционной фашистской эстонской организации, созданной по ука-

занию одного из членов Сибирского краевого центра – Пуна». Поскольку все подследственные признали себя виновными, в обвинительном заключении было сформулировано предложение о передаче дела в суд по статье 58-2-9-10-11 Уголовного кодекса РСФСР.

Дело № 51763 рассматривалось 15 января 1938 г. в Новосибирске комиссией НКВД и прокуратуры СССР. 36 из 38 подсудимых были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, двое самых молодых – Р.К. Трейял и Д.Ю. Цион – получили по десять лет лишения свободы и заключения в исправительно-трудовые лагеря. 22 февраля 1938 г. расстрельный приговор был приведен в исполнение²⁸.

Последняя волна арестов накрыла кольцовских эстонцев в июле 1938 г. У этой волны был нетипичный, довольно медленный «разбег». Первая по времени справка с обоснованием необходимости ареста и привлечения к уголовной ответственности Э.Г. Янсона, работавшего бригадиром колхоза «Пунане липп», была составлена 22 июня; справка на председателя того же колхоза К.Ю. Кивита – только двадцать дней спустя; справка на остальных троих подозреваемых, являвшихся его подчиненными, – столяра А.А. Иваска, тракториста М.Ю. Кивита и Ю.М. Пумбу – 13 июля. Четыре ордера на арест были выданы 17 июля, а пятый, на Э.Г. Янсона – только 20 июля. А.А. Иваска и Ю.М. Пумбу взяли 17, обоих Кивитов – на следующий день, Э.Г. Янсона – 20 июля. Мерой пресечения было назначено содержание под стражей при камере предварительного заключения Ижморского районного отделения милиции. Складывается такое впечатление, что эти аресты осуществлялись как бы по инерции и без ясного понимания того, зачем они делаются.

Органы госбезопасности заручились характеристиками на арестованных, которые написал новый председатель Кольцовского сельсовета Ю.Ю. Пусеп, и свидетельскими показаниями, которые 20 июля дали А.Д. Меус и тот же Ю.Ю. Пусеп. Во всех этих документах подследственные характеризовались отрицательно, но при этом в них отсутствовали какие-либо конкретные сведения.

Если верить протоколам допросов, которые вели сотрудники Ижморского районного отдела НКВД, все подозреваемые дали признательные показания. К.Ю. Кивит даже сообщил, что был вовлечен в организацию еще в 1935 г. О.Г. Лаугой, а после его ареста возглавил группу. Правда, такое утверждение противоречило показаниям Я.Г. Янсона, данным в декабре 1937 г., но это чекистов не волновало. Единственный человек, который (возможно – на самом деле) первоначально отказался признать свою вину, был Э.Г. Янсон. Во всяком случае в протоколе его допроса от 21 июля 1938 г. содержатся две такие

записи: «Виновным себя не признаю, участником контрреволюционной группы не являюсь и о существовании таковой мне ничего не известно» и «Повторяю, что в контрреволюционной группе я не состоял и о существовании последней мне не известно». Однако после беседы, проведенной с ним новым начальником Ижморского районного отдела НКВД Медведевым, Э.Г. Янсон тоже во всем сознался.

20–21 июля арестованным было объявлено об окончании предварительного следствия. На следующий день помощник оперативного уполномоченного Ижморского районного отдела НКВД Е. Ковальшко завершил составление обвинительного заключения по делу, которому был присвоен № 4883, и затем оно было передано в суд. 2 октября 1938 г. дело поступило на рассмотрение «тройки» управления НКВД по Новосибирской области. «Тройка» приговорила всех подсудимых к высшей мере наказания – расстрелу, который был приведен в исполнение 21 ноября 1938 года²⁹.

В результате только по трем выявленным «делам» в одном Ижморском районе в 1937–1938 гг. органы НКВД арестовали 53 эстонцев, 51 из которых были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. Самая большая доля этого печального «урожа» – 41 арестованный, из которых 39 человек были расстреляны, – выпала на Кольцовский сельсовет. Если принять во внимание, что в конце 1937 г. в нем насчитывалось около 350 человек, то менее чем за год сельсовет лишился, как минимум, 11,7 % всего населения. Доля потерь среди мужского взрослого населения, которое являлось главным кормильцем, достигала почти половины. К концу 1938 г. в Кольцовском сельсовете осталось всего 101 домохозяйство³⁰.

* * *

Никакой информацией о том, что произошло с их арестованными отцами, мужьями, братьями, племянниками и знакомыми, никто из кольцовских эстонцев не располагал. Как водится, не исключали худшего, но все же надеялись на лучшее. Однако обстановка в СССР почти два десятка лет не позволяла его гражданам даже поинтересоваться у советских властей о судьбе арестованных и бесследно исчезнувших. Лишь после смерти И.В. Сталина появилась робкая надежда выяснить правду.

Первый, кто предпринял такую попытку, был проживавший в Тарту Герман Юганович Кивит. 30 августа 1955 г. он не побоялся обратиться с заявлением к председателю КГБ при Совете министров СССР, в котором просил сообщить о местонахождении, если они живы, а в случае смерти – о дате таковой, его родных братьев Карла и Михаила.

Проверка по оперативно-справочной картотеке учетно-архивного отдела КГБ быстро показала, что такая информация содержится в архивно-следственном деле № 716791, хранящемся в КГБ СССР. Это дело было переслано в Кемерово. 8 декабря 1955 г. начальник учетно-архивного управления КГБ по Кемеровской области подполковник Грехов отправил в Таллин начальнику учетно-архивного отдела КГБ при Совете министров Эстонской ССР документ, в котором просил своего эстонского коллегу «объявить устно под расписку» Г.Ю. Кивиту, что его брат К.Ю. Кивит «был приговорен к 10 годам ИТЛ и умер в заключении» 3 апреля 1942 г. от острого септического эндокардита, а другой брат, М.Ю. Кивит, умер 20 января 1945 г. от абсцесса печени и гнойного холецистита.

Недостоверные сведения о приговоре суда и смерти своих родственников получили первоначально от органов КГБ и некоторые другие эстонцы. Так, жившей в селе Красный Яр Юлии Гансовне Пехк сообщили, что ее муж, В.Г. Пехк, скончался 29 апреля 1943 г.

Возникает вполне закономерный вопрос о том, как могли сотрудники КГБ допустить столь грубые ошибки и дать неверную информацию? В действительности никаких офицеры госбезопасности ошибок не допустили. Как вскоре выяснилось, руководство СССР и КГБ отдало местным органам госбезопасности приказ не сообщать в ответах на запросы граждан о судьбе их родственников о вынесении приговоров, присуждавших арестованных к высшей мере наказания, и о приведении таких приговоров в исполнение.

Другими словами, руководство СССР и КГБ продолжало осознанно, целенаправленно и бессовестно лгать своим гражданам. Тем самым достигались сразу, как минимум, две цели. Во-первых, резко сокращалось количество расстрелянных в ходе репрессий, что уменьшало их масштабы и частично смягчало вину органов госбезопасности за «Большой террор». Во-вторых, немного смягчало горечь утраты у заявителей, поскольку им психологически легче было пережить информацию о смерти своих родственников во время Великой Отечественной войны по причине болезни, чем о расстреле по приговору советского суда. Более того, такая информация у некоторых пострадавших граждан порождала иллюзию, что их отцы, мужья и братья погибли в тылу, работая вместе с другими советскими людьми на победу над фашистами.

Доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева 25 февраля 1956 г. на XX съезде партии «О культе личности и его последствиях» серьезно повлиял на внутривластную обстановку в СССР, открыл

новые возможности для выяснения правды о жертвах политических репрессий времен «Большого террора».

К проверке достоверности материалов предварительного следствия и обоснованности судебных постановлений разных «двоек», «троек» и «комиссий» приступили органы КГБ. Большое значение для понимания того, что творилось в недрах аппарата управления НКВД по Западно-Сибирскому краю и по Новосибирской области в 1937–1938 гг., имели показания некоторых его бывших сотрудников. Особенно важную информацию содержало обнаруженное в архивах заявление бывшего помощника начальника секретно-политического отдела управления НКВД по Новосибирской области младшего лейтенанта госбезопасности С.С. Корпулева. С.С. Корпулев осмелился нарушить корпоративную солидарность чекистов и откровенно написал о царивших в ведомстве госбезопасности нравах и порядках в ЦК ВКП(б), Совнарком СССР, наркому внутренних дел, прокурору СССР и председателю военной коллегии Верховного суда. Кстати, за «отклонение» от внутриведомственных норм поведения в 1938 г. С.С. Корпулев был осужден на пять лет заключения в исправительно-трудовой лагерь.

С.С. Корпулев раскрыл главные секреты того, как на стадии предварительного следствия сотрудникам НКВД удавалось получать признательные показания от арестованных и как составлялись протоколы допросов, содержащие такие показания. «Составляемые следователями протоколы допросов обвиняемых, – писал он, – давались на обработку начальникам отделов, их заместителям и помощникам, которые передавали эти протоколы до такой степени, что их сами следователи не узнавали, после чего черновики протоколов перепечатывались на машинке и отдавались обвиняемым для подписания».

«Если же обвиняемые отказывались писать такие вымыслы или подписывать протоколы допросов, – сообщал С.С. Корпулев, – они подвергались стойкам на ногах без пищи и сна до тех пор, пока не подписывали или не начинали писать их, попадая в безвыходное положение, так как большинство арестованных просиживало и простаивало на допросах 5–10–20 и более суток».

Обвиняемые предупреждались, что им все равно подписывать протоколы придется, в противном случае на них следствие получит материалы от других обвиняемых, причем больше, чем они сами о себе покажут. Если же не сознаетесь, значит будете беспощадно уничтожены как не разоружившиеся враги, а при наличии сознания поедите в лагерь и будете жить».

Допрошенные в 1956 г. сотрудниками КГБ репрессированные эстонцы Д.Ф. Верш, О.К. Казак и А.А. Петерсон, осужденные в 1937 г. по «делу А.Я. Пуны» и проведенные в исправительно-трудовых лагерях по 10 лет, подтвердили то, о чем писал С.С. Корпулев. Они показали, что «ни в каких контрреволюционных организациях не состояли и никакой антисоветской деятельностью не занимались, а записи в протоколах их допросов в 1937 году не соответствуют действительности, что эти протоколы заранее составлялись следователями, и в результате применения насилия протоколы они вынуждены были подписать»³¹.

Процитированный документ позволяет понять происхождение признательных показаний, которые фигурируют в протоколах допросов, данных арестованными эстонцами на предварительном следствии. Поскольку в большинстве случаев временной лаг между арестами подозреваемых и подписанием ими протоколов допросов был очень небольшой, едва ли к ним применялись «стойки» и тем более – физическое воздействие. Скорее всего, дело ограничивалось элементарным обманом: чекисты обещали за дачу нужных им сведений сохранить арестованным жизнь и ограничить меру наказания лишением свободы.

Уже к концу лета 1956 г. проведенная управлением КГБ по Новосибирской области проверка архивно-следственных дел о так называемых «контрреволюционных эстонских шпионско-диверсионных и террористических организациях» показала, что в действительности в 1934–1938 гг. в Западной Сибири их не существовало, а все эти дела являются фальсифицированными.

Объективная оценка содеянного органами госбезопасности в 1937–1938 гг. значительно облегчила родственникам репрессированных возможность сделать следующие шаги в поисках истины и восстановления честного имени пострадавших. Так, 23 ноября 1957 г. Вольдемар Карлович Кивит, проживавший в селе Мальковка того же сельсовета Мариинского района, подал заявление Кемеровскому областному прокурору о судьбе своего отца. 10 февраля 1958 г. прокурор Кемеровской области государственный советник юстиции 3-го класса А. Сатаров по заявлению В.К. Кивита внес по делу К.Ю. Кивита протест в порядке надзора в президиум Кемеровского областного суда.

Основанием для прокурорского протеста стала проведенная управлением КГБ по Кемеровской области проверка, в ходе которой было установлено, что в 1937–1938 гг. «никаких данных о существовании повстанческих организаций на территории Кемеровской области не было, а обвинение арестованным предъявлялось необоснованно». Руководствуясь указом Президиума Верховного совета СССР от

19 августа 1955 г., прокурор А. Сатаров ходатайствовал перед судом об отмене постановления «тройки» управления НКВД по Новосибирской области от 2 октября 1938 г. в отношении пяти человек, а дело № 31266 просил прекратить за отсутствием состава преступления. 17 февраля 1958 г. президиум Кемеровского областного суда протест прокурора удовлетворил, приговор «тройки» отменил, всех репрессированных по данному делу реабилитировал.

Затем 25 февраля 1958 г. подали заявления Югана Петровна Вебер и Юлия Мартыновна Кивит, проживавшие в селе Мальковка Мариинского района, с просьбой выяснить судьбу их сыновей П.Я. Вебера и М.Ю. Кивита; 5 и 7 марта Юля Яновна Янсон и Альма Федоровна Отсман из Кольцовки – о судьбе своих мужей, Я.Г. Янсона и О.Я. Отсмана; 27 мая жившая в селе Красный Яр Юлия Гансовна Пехк – о судьбе своего мужа В.М. Пехка; 25 сентября Сельма Александровна Пехк из поселка Новый Свет Златогорского сельсовета – о судьбе А.М. Пехка.

В ответ на заявление Ю.Г. Пехк прокуратура Кемеровской области направила в следственный отдел управления КГБ по Кемеровской области для проверки дело № 31261. 16 августа 1958 г. следователь управления КГБ старший лейтенант Сысоев допросил Ю.Г. Пехк, а также еще двух жен репрессированных – М.И. Пурланд и Л.А. Яковлеву. 7 марта 1959 г. по инициативе Ю.Г. Пехк заявлению следственный отдел управления КГБ по Кемеровской области вынес заключение о том, что дело № 31261 является сплошной фальсификацией и предложил постановление «двойки» от 9 января 1938 г. отменить, а дело прекратить за отсутствием состава преступления.

Двадцать седьмого апреля, основываясь на заключении областного управления КГБ, полковник юстиции П. Орлов внес в военный трибунал Сибирского военного округа протест по «делу Лауги». Определением военного трибунала Сибирского военного округа от 9 июня 1959 г. в надзорном порядке приговор комиссии НКВД и прокуратуры СССР был отменен за отсутствием события преступления, а все расстрелянные по этому приговору были реабилитированы.

По остальным заявлениям следственное управление КГБ по Кемеровской области, рассмотрев архивно-следственное дело № 31319 и произведя дополнительную проверку, 23 сентября 1958 г. пришло к заключению, что обвинения арестованных были основаны на их личных признательных показаниях, другими доказательствами не подтверждены и вызывают сомнения в своей правдоподобности; данных о принадлежности Я.Г. Янсона к разведывательным органам Эстонии не обнаружено; никакой эстонской контрреволюционной организации на территории

Кемеровской области не существовало. Предъявленное подсудимым обвинение оно квалифицировало как необоснованное, предложило постановление комиссии НКВД и прокуратуры СССР от 15 января 1938 г. отменить, а дело прекратить за отсутствием состава преступления.

Двенадцатого мая 1959 г. заместитель прокурора РСФСР государственный советник юстиции 3-го класса Н.С. Лучинин в порядке надзора внес протест в судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РСФСР. 20 июня 1959 г. судебная коллегия, рассмотрев этот протест, заслушав доклад члена суда Гаврилкина и заключение прокурора Радзивилловой об удовлетворении протеста, нашла, что приговор от 15 января 1938 г. подлежит отмене, а дело – прекращению за отсутствием состава преступления.

В результате через двадцать с небольшим лет после ареста нескольких десятков эстонцев, живших в Ижморском и в близлежащих районах, завеса, скрывавшая тайну об их судьбе, благодаря настойчивости их родственников была частично приоткрыта. Не сразу, но заявители получили из советских правоохранительных органов информацию о расстреле арестованных, произведенном на основе фальсифицированных органами советской государственной безопасности дел. Эти расстрельные приговоры были квалифицированы советскими судебными инстанциями как неправомочные и отменены за отсутствием события или состава преступления, а значительная часть расстрелянных даже была реабилитирована.

Летом 1966 г. по инициативе Вольдемара Карловича Кивита, которому активно помогали Карл Петрович Вебер, Александр Августович Иваск, Петр Александрович Руутник, Якуб Иллус и Лидия Падрасон (Мюрк), на старом кольцовском кладбище, что за речушкой Кольцовка на бугре, был тайно установлен памятник жертвам репрессий. Эти люди откликнулись на предложение В.К. Кивита о сооружении памятника не случайно. У всех у них был свой долг перед земляками и соотечественниками. В 1937–1938 гг. Вебер лишился отца и дяди, Иллус – брата, Падрасон – мужа, Руутник – отца и дяди. Памятник сооружали втайне от односельчан и даже от родственников, поскольку боялись, что об этом узнают местные власти и запретят его установку. Памятник представляет собой традиционный пирамидальный обелиск примерно трехметровой высоты, на северной стороне которого в нижней части расположен прямоугольник из нержавеющей стали. На нем выбит текст на эстонском языке, коротко сообщающий о происшедшей здесь в 1937–1938 гг. трагедии и фамилии тех 66 человек, которые были репрессированы.

Казалось бы, правда восторжествовала, а память о жертвах репрессий увековечена. Однако сделать такой вывод было нельзя ни тогда, ни сегодня, поскольку у этого преступления не нашлось виновных, которые понесли бы наказание за содеянное. Хотя имя главного преступника достаточно хорошо просматривается сквозь факты описанных трагических событий. Точнее, у этого преступника много разных имен, поскольку он был многолик и почти вездесущ. Вот главные из них: сталинизм, тоталитаризм, ВКП(б), НКВД. Не нужно забывать эти слова. Напротив, необходимо помнить их для того, чтобы больше не допустить возвращения из научного лексикона в реальную политическую жизнь.

¹ Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1. С. 318.

² Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ). Улан-Удэ, 1992; Возвращение. Сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Чорос-Гуркин и современность». Горно-Алтайск, 1993; Библиографический словарь репрессированных писателей Бурятии. Улан-Удэ, 1996; *Иванова Т.С.* Из истории политических репрессий в Якутии (конец 20-х – 30-е гг.). Новосибирск, 1998; *Тузужекова В.Н., Карлов С.В.* Репрессии в Хакасии. Абакан, 1998; *Яковлев Н.М.* Жертвы сталинских репрессий в Якутии // Вопросы истории. М., 2003. № 12; *Степанов М.Г.* Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930 – начале 1950-х гг. Абакан, 2006; и др.

³ *Ханевич В.А.* Белостокская трагедия. (Из истории геноцида поляков в Сибири). Томск, 1993; *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). М., 1995; «Польская операция» НКВД 1937–1938. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997; Сибирский Белосток. Сборник документов и материалов. Составитель В.А. Ханевич. Томск, 1998; Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. (Наказанный народ. Репрессии против российских немцев). М., 1999;

⁴ См.: *Voimatu vaikida* = Невозможно молчать / Autor-koostaja H. Sabbo = Авт.-сост. Г. Саббо. – Tallinn: Uhiselu., 1996. [Кн.] 1–2; *Eesti inventuur* = Инвентаризация Эстонии. 1998. [Кн.] 3; *Vagivalla sajand* = Век насилия. 1999. [Кн.] 4; *Hukatud ja huljatud* = Отверженные и истребленные. 2000. [Кн.] 5; *Hukatud ja huljatud* = Отверженные и истребленные. 2002, [Кн.] 6.

⁵ *Шишкин В.* Таежный обелиск // Кузбасс (Кемерово). 1990. 9 декабря.

⁶ *Колоткин М.Н.* Социально-политическая история балтийских поселенцев Сибири (1917 – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 2010. С. 289–291.

⁷ Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. С. 432–433.

⁸ *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 372, 376.

⁹ Подробнее см.: УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, АСД № П-28949; О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. Сборник. М., 1937.

¹⁰ УФСБ РФ по Кемеровской области, АСД № 4530.

¹¹ В конце сентября 1937 г. из Западно-Сибирского края были выделены Алтайский край и Новосибирская область. Руководство НКВД вновь образованных административно-территориальных единиц жаждало отличиться на поприще борьбы со шпионами, диверсантами и другими различного рода «врагами народа», чтобы продемонстрировать столичному начальству свою бдительность и верность. Не исключено, что именно этим обстоятельством объясняется возникновение ряда «дел» в Западной Сибири в конце 1937–1938 гг.

¹² УФСБ РФ по Кемеровской области, АСД № 8429; Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1. С. 25, 207, 63, 65, 134, 140, 207, 224, 239, 244, 258.

-
- ¹³ *Тепляков А.Г.* Машина террора... С. 376.
- ¹⁴ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 32. Л. 243; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3263. Л. 34; Ижморскому району – 80 лет (1924–2004). [Ленинск-Кузнецк,] 2004. С. 16.
- ¹⁵ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 32. Л. 153, 249, 269; Д. 33. Л. 1, 62; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3264. Л. 44.
- ¹⁶ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 32. Л. 2.
- ¹⁷ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3263. Л. 36.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 32. Л. 253; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3264. Л. 40.
- ¹⁹ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 38. Л.1–2, 8, 15, 24.
- ²⁰ Там же. Л. 8.
- ²¹ Там же. Л. 29.
- ²² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3263. Л. 15.
- ²³ Там же. Л. 156.
- ²⁴ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 32. Л. 275; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3263. Л. 37; Д. 3264. Л. 83, 85.
- ²⁵ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 32. Л. 331; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3264. Л. 119.
- ²⁶ УФСБ РФ по Кемеровской области, АСД № 31261.
- ²⁷ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 35. Л. 11–12.
- ²⁸ УФСБ РФ по Кемеровской области, АСД № 31319.
- ²⁹ УФСБ РФ по Кемеровской области, АСД № 716791.
- ³⁰ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 33. Л. 76.
- ³¹ УФСБ РФ по Кемеровской области, АСД № 4530.